

Стоило Хану Сиэню произнести эти беспощадные слова, как не только у придворных сановников, но и у самого императора на лице проступило явное замешательство.

Бросив на маркиза Вечного Покоя недовольный взгляд, государь холодно спросил:

— Судя по твоим речам, маркиз, ты настаиваешь на том, чтобы Наследный принц продолжал войну?

Сиэнь прекрасно почувствовал глухое раздражение правителя, однако его лицо осталось бесстрастным. Он ответил со всей прежней невозмутимостью:

— Ваше Величество, Его Высочество отправился в Сицзян, рискуя собственной жизнью под свистом вражеских стрел, вовсе не ради ратной славы или наград. Если Наследный принц и держит оборону бок о бок с простыми ратниками, то лишь ради одной цели — вернуть многострадальным рубежам долгожданный покой. Шумная, праздная столица — это земля Великой Чжоу, но и бескрайние, суровые степи Сицзяна — тоже её часть, а живущие там люди — подданные Вашего Величества. Среди них нет тех, кто чище или благороднее прочих. Прежде варвары сижуну принимали наше милосердие за малодушие. Они нападали без предупреждения, жгли селения и убивали мирный люд. Разве щадили они тогда наших стариков и детей? Разве ведали они пощаду, когда бесчинствовали на границе? Едва ли они вообще думали, что расплата настигнет их. И вот сегодня, когда их собственное государство трещит по швам и они дрожат перед мощью нашей армии, они запели о мире. Какое дело Великой Чжоу до их запоздалых мольб? Пощади мы их сейчас, они не исполнятся благодарности. В их сердцах останется лишь затаённая злоба и жажда мщения. Самое разумное теперь — стереть Сижун с лица земли, присоединив его территории к Великой Чжоу. Это послужит грозным уроком для остальных пограничных племён, дабы ни у кого из них не возникало глупой иллюзии, будто можно безнаказанно топтать наши рубежи, уповая на императорское всепрощение. К тому же, лишь полная победа станет достойным подношением душам павших воинов, которые отдали жизни за покой Сицзяна.

Резкая, рубящая речь маркиза вызвала ропот. Первым не выдержал министр доходов. Шагнув вперёд, он гневно сверкнул глазами на юношу:

— Позвольте старому слуге не согласиться с господином маркизом! Из ваших речей, почтенный маркиз Вечного Покоя, выходит, будто согласие государя принять капитуляцию сижуну — это пренебрежение нуждами пограничных жителей? Вздор! Напротив, прекращение кровопролития — величайшая милость к подданным. Война — это кровь, пожарища и растоптанные судьбы. Пусть мы в столице ограждены от ужасов битвы, но каждый из нас знает, сколько горя и сиротства приносит ратное лихолетье. Перемирие позволит уставшему войску перевести дух и залечить раны. Более того, я убеждён: нынешний разгром уже умерил пыл соседей. Ни один безумец отныне не посмеет посягнуть на земли Великой Чжоу!

Повернувшись к престолу, министр низко склонился и заговорил с глубоким почтением:

— Ваше Величество! В словах маркиза Вечного Покоя есть доля истины, но ваш покорный слуга не может одобрить безрассудную игру жизнями наших защитников ради сомнительной воинской славы. Наследный принц — надежда и опора престола, его жизнь бесценна. Кто поручится, что в глубине вражеских земель его не подстерегает вероломная засада? Великая Чжоу испокон веков славилась миролюбием и снисходительностью к побеждённым. Сейчас — самое время явить великодушие и остановить кровопролитие. Умоляю Ваше Величество всесторонне взвесить это решение.

Слова министра отозвались одобрительным гулом среди сановников. Большинство присутствующих склонились в низком поклоне, умоляя государя проявить благоразумие.

Сиэнь лишь усмехнулся. В его небрежном тоне сквозило откровенное пренебрежение:

— Раз уж вы так дрожите за жизнь Его Высочества, что боитесь отпускать его в глубь вражеских степей, почему бы просто не отозвать Наследного принца в столицу и не отправить на передовую другого военачальника?

Он повернулся к императору и со спокойным вызовом добавил:

— Моё здоровье оставляет желать лучшего, Ваше Величество, но ради блага государства я готов лично отправиться на рубеж, сменить Его Высочество и повести войска на штурм сижунских твердынь.

— Красивые речи ведёт маркиз! — саркастически хмыкнул министр доходов. — Да только вы, господин Сиэнь, не смыслите в военном искусстве ни шагу, а из-за хрупкого здоровья отродясь не бывали на поле боя. Вверить вам сотни тысяч закалённых воинов — всё равно что затеять детскую игру. Боюсь, вместо разгрома врага вы лишь сгубите доблестную армию Великой Чжоу.

Командование армией означало сосредоточение колоссальной военной силы в руках. И эту силу при дворе готовы были доверить кому угодно, только не Хану Сиэню. Таково было единодушное, хоть и негласное мнение всех присутствующих сановников. Маркиз Вечного Покоя всегда действовал непредсказуемо, презирая любые правила и законы. Случись ему получить власть над армией и повернуть мечи против престола — кто сумел бы его остановить? Разумеется, министр не решился озвучить эти крамольные опасения вслух.

Хан Сиэнь разомкнул губы, готовый продолжить спор, но император нетерпеливо взмахнул широким рукавом. На его лице проступило глухое раздражение:

— Довольно! Из-за пустяка устроили здесь базар. Вы во что превратили тронный зал? В задний двор собственных усадеб? Этот вопрос мы обсудим позже. Совет окончен!

Евнух Юань Бао тут же зычно объявил о закрытии заседания. Придворные потянулись к выходу, и лишь Хан Сиэнь неспешно шёл позади всех. Он прекрасно понимал, что император

ни за что не доверит ему армию. Пусть государь и восседал на золотом троне, по сути своей он оставался обычным, подверженным страхам человеком.

Втайне монарх уже грезил о том, как триумфально примет покаянных послов сижунгов, преклоняющих перед ним колени и подносящих сундуки с золотом, серебром и редкими дарами. В глазах правителя война на западе уже победно завершилась.

Сиэнь не питал на этот счёт никаких иллюзий и не испытывал разочарования. Рассуждая перед троном, он даже не утруждал себя подбором изящных фраз — просто высказывал то, что думал на самом деле.

Иным царедворцам его пылкая речь могла показаться прямой попыткой надавить на самодержца. Будь на престоле более мнительный и жестокий владыка, он непременно счёл бы подобную дерзость переходом всех границ. Такой правитель, охотно ухватившись за слова министра доходов, без колебаний обвинил бы строптивого маркиза в государственной измене.

Покинув императорский дворец, Сиэнь отказался от паланкина. Вместо этого он пешком отправился бродить по оживлённым столичным улочкам.

Его поразительная, утончённая красота неизменно приковывала к себе взгляды прохожих. С резных балконов чайных домиков к его ногам то и дело пролетали надушенные шёлковые платки, брошенные кокетливыми девицами, однако преступить границы приличия никто из них так и не отважился.

Те же, кто знал маркиза в лицо, глядели на него со смесью восхищения и тайного страха. Им казалось непостижимым, как за столь безупречным, почти ангельским обликом может скрываться столь безжалостный, коварный нрав.

Ноги сами привели его к дверям трактира — того самого, куда он впервые заглянул много лет назад, когда едва знакомый Бай Шу одолжил ему немного серебра.

Поднявшись в ту же отдельную комнату и заняв привычное место у окна, Сиэнь устремил взор вдаль, размышляя о причудливых поворотах судьбы. Незаметно пролетело несколько лет с тех пор, как он очутился в этом времени. Поначалу здешняя жизнь его нисколько не занимала, и он искал лишь мимолётных развлечений, способных разогнать скуку. Все его помыслы тогда крутились вокруг одного — выставить напоказ грязные тайны правящей династии и до основания разрушить вековые устои Великой Чжоу.

Тогда люди для него были лишь безликими тенями. Случайные прохожие, даже преданные слуги и служанки, суетившиеся вокруг него изо дня в день — никто из них не задевал струн его души, проходя мимо бесследно.

Теперь же, глядя на копошащуюся внизу толпу и прислушиваясь к звонким выкрикам уличных зазывал, Сиэнь невольно подумал, что и в далёком будущем, и в этой глубокой древности мир

держится на простых людях, чей удел — ежедневный изнурительный труд ради выживания.

Среди этой безликой массы наверняка хватало и корыстолюбцев, и подлецов, но большинство всё же просто изо всех сил боролись за своё скромное счастье. Сиэнь отвёл взгляд от окна, и губы его тронула едва заметная, мягкая улыбка.

В этот момент в дверь постучали. Маркиз удивлённо приподнял бровь и негромко обронил:

— Войдите.

Увидев вошедшего, Сиэнь слегка склонил голову:

— Приветствую первого принца.

За прошедшие годы Цзи Фань заметно раздобыл в плечах и обзавёлся некоторой дородностью. На пренебрежение придворным этикетом со стороны хозяина комнаты он даже не обратил внимания — впрочем, в столице без прямого указания государя едва ли кто решился бы выговаривать строптивому маркизу за подобные мелочи.

Цзи Фань опустился на стул напротив Сиэня, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Он заметил маркиза на улице и, поддавшись секундному порыву, решил пойти следом, но теперь его одолевали сомнения.

Оказавшись под пристальным, пронизательным взглядом юноши, принц растерял всю свою решимость. Под этим взглядом, казалось, обнажались самые сокровенные помыслы. Цзи Фань неловко заёрзал на стуле, не зная, куда деть руки.

— У вас какое-то дело ко мне, Ваше Высочество? — не выдержав этой затянувшейся паузы, нарушил молчание Сиэнь.

— Да так, ничего особенного, — замялся первый принц. — На днях мне в руки попал превосходный клинок искусной работы. Я прослышал, будто младший господин Бай равнодушен к хорошему оружию, и подумал преподнести его ему в дар, когда он воротится в столицу. Что скажешь, маркиз?

Тонкие губы Сиэня дрогнули в едва заметной усмешке.

— Ваше Высочество весьма пронизательны. Бай Шу и впрямь предпочитает добрый меч любому другому оружию. Уверен, ваш подарок придётся ему по душе.

— Вот и славно. Тогда я велю слугам немедленно доставить клинок в поместье маркиза Вечного Покоя, — с облегчением кивнул Цзи Фань.

Они никогда не были близки, и разговор быстро иссяк. Молчание сделалось гнетущим, однако принц, преодолевая неловкость, уходить не спешил.

Усмешка Сиэня стала отчётливее, хотя взгляд оставался холодным, как ледник. Он неторопливо произнёс:

— Вы излишне щедры, Ваше Высочество. Ныне у Его Высочества наследного принца не осталось иных братьев, кроме вас. По природе своей Его Высочество милосерден. Если не переступить черту дозволенного, он, воротившись в столицу, едва ли станет припоминать старое.

Цзи Фань опешил — он не ожидал от собеседника столь прямого ответа на невысказанный вопрос. Тревога, терзавшая его душу последние недели, постепенно улеглась. Принц искренне улыбнулся:

— Благодарю тебя, маркиз. Видно, я и впрямь лишился покоя из-за суетных страхов.

С этими словами он поднялся и вежливо распрощался.

Проводив его взглядом, Сиэнь опустил ресницы. Первый принц славился простодушием и страстью к ратному делу, начисто лишившись склонности к тонким интригам. Пусть он и был старшим среди сыновей императора, здравый ум удерживал его от вступления в грязную борьбу за престол — долгие годы он послушно оставался в тени, не пытаясь сколотить собственную клику среди знати.

Однако стоило прийти вестям, что наследный принц пропал без вести в Сицзяне, а другие сыновья государя — Цзи Хуай и Цзи Жун — оказались под домашним арестом, как положение дел круто переменялось. Во всей империи Цзи Фань внезапно оказался единственным законнорождённым наследником с незапятнанной репутацией.

Разумеется, благоразумие не исключает тайного честолюбия. До сих пор он смирял гордыню лишь потому, что сознавал собственную посредственность и не желал навлекать на себя беду. Но стоило Цзи Ло исчезнуть, как толпа хитрых царедворцев осадила первого принца, внезапно осознав, какую выгоду можно извлечь из его происхождения.

Редкий принц устоит перед соблазном занять трон. В один миг все преграды рухнули. На костях павших соперников для него соткали пышное парчовое одеяние триумфатора. На вершине власти он остался один. Нетрудно представить, какое смятение овладело Цзи Фанем — он чувствовал себя нищим бродягой, который на грязном базаре за бесценок приобрёл сокровище древних императоров.

И всё же разум не покинул старшего принца. Способность трезво оценивать свои силы всегда спасала его от зависти братьев и позволяла благополучно оставаться в стороне от придворных распри. Даже узнав об исчезновении Наследного принца, он хоть и ощутил невольный трепет

надежды, но не спешил поддаваться на уговоры льстецов.

Он решил выждать, покуда не придут достоверные вести о судьбе брата. И не прогадал — вскоре столицу облетела весть о том, что Цзи Ло жив-здоров и вместе с генералом Бай Вэньханем сокрушил полчища сижунгов наголову.

Разочарование уязвило принца, но такой исход был вполне ожидаем. В сущности, он ничего не потерял, лишь вернулся на привычное место в тени трона.

Однако любые поступки оставляют следы. Сановники искали его расположения, а сам он выказал минутную слабость и заколебался. Эта нерешительность камнем легла на его душу. Принц терзался мыслями: как посмотрит на его малодушие Цзи Ло, когда вернётся с победой?

Именно поэтому, заведя на улице Хан Сиэня, он преодолел сомнения и поднялся следом за ним по деревянной лестнице.

Не зная, с чего начать разговор, Цзи Фань заговорил о Бай Шу. Это лишний раз подтверждало его простодушие — любой другой на его месте поостерёгся бы упоминать имя любимца маркиза, боясь навлечь на себя ещё большее подозрение.

Принц надеялся через Сиэня выказать покорность будущему императору, но не находил нужных слов. Он никак не ожидал, что маркиз сам избавит его от этой муки.

"И то верно, — подумал Цзи Фань, и на душе его окончательно посветлело. — Очутись на моём месте любой другой принц, у него точно так же закружилась бы голова. К тому же у Цзи Ло больше не осталось братьев, кроме меня. Он не станет преследовать единственную родную кровь ради пустых подозрений, побоявшись прослыть тираном и братоубийцей в глазах потомков"

Когда принц ушёл, Сиэнь тоже покинул трактир. С того самого дня он сказался больным и перестал являться во дворец на утренние приёмы. Обеспокоенный государь послал к нему лучших лекарей, снабдив их щедрыми дарами из личной казны, но более пред очей свои маркиза не призывал.

Спустя три дня из столицы в Сицзян полетел императорский указ: принять капитуляцию сижунгов. В залог мира поверженный враг уступал Великой Чжоу два пограничных города, уже занятых нашими передовыми отрядами. Цзи Ло и генералу Бай Вэньханю предписывалось немедленно передать командование и вернуться в столицу для получения заслуженных наград.

Ещё через полмесяца до столицы долетело известие: победоносное войско во главе с Наследным принцем снялось с лагеря и двинулось на восток. Тогда же маркиз получил тайное послание. Письмо было отправлено от имени Цзи Ло, однако размашистые, неуклюжие иероглифы на рисовой бумаге принадлежали совсем другой руке.

Сиэнь усмехнулся, разглядывая неуклюжие каракули, и бережно развернул свиток. Посреди листа красовалась всего одна короткая строчка:

"Хан Сиэнь, я скоро буду дома"

<http://bllate.org/book/20088/2002112>